

Примечания

1. Цит. по: Все мы вышли из сталинской шинели. Дискуссия о событиях 1948 года и их последствиях // Литературная газета. 1990. 21 марта. С. 14.
2. Земсков В.Н. Спецпоселенцы // Социологические исследования. 1990. № 11. С. 9.
3. Войтоловский Л.Н. Очерки коллективной психологии. В 2 ч. Ч. 2. С.75.
4. Фурманов Ю. Уроки одной дискуссии // Советская культура. 1988. 12 марта.
5. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп.125. Д. 492. Л. 2.
6. РГАСПИ. Ф. 17. Оп.125. Д. 516. Л.172.
7. Там же. Л. 27.
8. Там же. Л. 28.
9. Там же. Л.172.
10. Там же. Л. 2, 103.
11. За большевистскую партийность литературной критики // Новый мир. 1948. № 12. С.193.
12. РГАСПИ. Ф.17. Оп. 125. Д. 518. Л. 76.
13. РГАСПИ. Ф. 17. Оп.132. Д. 337. Л. 287.
14. Там же. Л. 32, 33, 47.
15. Там же. Л. 16.
16. Там же. Л. 10.
17. Там же. Л. 15.
18. Рапопорт Я. Воспоминания о «деле врачей» // Дружба народов. 1988. № 4. С. 224.
19. Абрамов. Ф.А. Пряслины. Трилогия. Л., 1978. С.491–492.
20. РГАСПИ. Ф. 17. Оп.132. Д. 550. Л. 113.
21. Там же. Л. 291, 47.
22. Там же. Л. 162, 550.
23. Там же. Л. 115.
24. Там же. Л. 169.

С.Д. Багдасарян (Сочи)

К ВОПРОСУ О ТЕРРОРИЗМЕ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Проблема национальной безопасности как предмет научных исследований обрела остроту и востребованность с середины 1990-х гг. Российских ученых в настоящее время интересует прежде всего то, что именно отражает национальная безопасность – цели и политику государства, потребности

гражданского общества или приоритеты нации как многосоставной этнокультурной общности.

Вместе с тем проблеме правового обеспечения национальной безопасности в контексте террористической угрозы с учетом ее институционального характера в политико-правовой литературе уделено недостаточно исследовательского внимания.

Официальная отечественная историческая доктрина длительное время базировалась на ряде постулатов, характеризовавших сущность борьбы с самодержавием в России в XIX — начале XX в. исключительно с идеологических позиций: во-первых, сам государственный режим рассматривался как стабильно реакционный, неспособный к прогрессивной эволюции; во-вторых, этой статичностью режима объяснялась и оправдывалась радикализация борьбы с ним; в-третьих, индивидуальный революционный террор признавался морально оправданным, но противопоставлялся революционному движению масс как высшей форме классовой борьбы; в-четвертых, методы противодействия государства антигосударственным выступлениям определялись как государственный террор; в-пятых, политика государственного террора включалась в причинный комплекс террора революционного.

Даже историческая составляющая перечисленных утверждений в последнее десятилетие подверглась серьезному пересмотру. Но в исторической литературе пока мало внимания уделяется анализу революционного движения и противодействия ему в России с точки зрения теории государства и права. Между тем такой подход в сочетании с историческими методами исследований позволяет выработать единые критерии в оценке государственно-правовых явлений, а в нашем случае и показать частичную или полную несостоятельность прежних идеологических догм.

По общему определению революционное движение в России в XIX — начале XX в. ставило своей целью насильственное изменение государственного строя. Согласно действовавшему законодательству такая деятельность признавалась (и по сей день признается в любой стране) преступной. Совокупность деяний, запрещенных под страхом уголовного наказания и направленных против основ существующего строя

(государственной власти), составляет политическую преступность.

Традиционная периодизация истории революционного (освободительного) движения в России с выделением трех этапов — дворянского, разночинского и пролетарского [1] — предложена в работе В.И. Ленина «Памяти Герцена». Впрочем, с точки зрения права эту периодизацию можно определить и как этапы развития политической преступности. Сословно-классовый критерий как основа периодизации определял особенности каждого этапа: состав участников, характер требований, распространенность явления. Но, на наш взгляд, не менее важными в характеристике этапов «освободительного движения», а следовательно, в правоприменительной реакции на деяния революционеров, являются методы достижения поставленных целей. Эта сторона революционного движения сыграла существенную роль в реформировании правоприменительной системы империи, а потому попробуем определить суть названных трех этапов политической преступности по такому признаку состава преступления, как способ совершения деяния.

Во-первых, речь идет исключительно о насильственных формах борьбы, имеющих целью изменение государственного строя. Ненасильственные противоправные политические деяния (агитация, пропаганда и т.д.) рассматривались В.И. Лениным в качестве обеспечивающих, сопровождающих революционное насилие.

Во-вторых, каждому периоду (этапу) движения свойственна специфическая форма насилия. Первый (дворянский) этап генетически тяготел к такой форме, как дворцовые перевороты XVIII в.: реформа политического устройства страны связывалась с династической рокировкой Второй (разночинский) и третий (пролетарский) этапы характеризуются политическим терроризмом, на втором этапе индивидуальным, на третьем — групповым. Тезис о террористической сущности революционной борьбы во второй половине XIX — начале XX в. весьма важен. Без учета общественной опасности терроризма и адекватности этой опасности правительственных мер борьбы с ним оценка деятельности правоохранительных органов не может быть объективной.

О.В. Будницкий справедливо отмечает, что историческая литература пока не выработала единого определения поня-

тий «террор» и «терроризм», пока эти термины «используются для определения явлений разного порядка, схожих друг с другом в одном — применении насилия по отношению к отдельным личностям, общественным группам и даже классам» [2]. Между тем единую дефиницию этому явлению может дать право.

Обратимся к принятому в июле 1998 г. Федеральному закону РФ «О борьбе с терроризмом», где закрепляются сложившиеся за полтора столетия теоретические определения понятий «терроризм» и «террористическая деятельность»:

«Терроризм — насилие или угроза его применения в отношении физических лиц или организаций, осуществляемые в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения или оказания воздействия на принятие органами власти решений, выгодных террористам.

...посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, совершенное в целях прекращения его государственной или иной политической деятельности либо из мести за такую деятельность...».

К террористической деятельности закон относит:

- 1) организацию, планирование, подготовку и реализацию террористической акции;
- 2) подстрекательство к террористической акции, насилию над физическими лицами или организациями...;
- 3) организацию незаконного вооруженного формирования... для совершения террористической акции, а равно участие в такой акции;
- 4) вербовку, вооружение, обучение и использование террористов» [3].

Приведенные дефиниции применимы не только к терроризму конца XX в. Именно такие цели, задачи и методы указывались в многочисленных документах ориентированных на политический террор антиправительственных групп, фракций, партий России второй половины XIX — начала XX в., в прокламации «Молодая Россия» П.Г. Заичневского [4], «Катехизисе революционера» С.Г. Нечаева [5], листках «Земли и воли», листовке «Смерть за смерть» С.М. Кравчинского, статье «Террористическая борьба» Н.А. Морозова [6], статье П.Н. Ткачева «Терроризм как единственное средство нравственного и общественного возрождения России», Программе террористической фракции партии «Народная воля» [7], лис-

товке боевой организации партии социалистов-революционеров «По делам вашим воздастся вам» [8], статье В.М. Чернова «Террористический элемент в нашей программе» [9], прокламациях анархистских организаций [10]. В текстах этих и других аналогичных документов откровенно, а порой и цинично абсолютизируется террористическая тактика достижения политических целей.

Следует остановиться на обосновании утверждения о сущности пролетарского этапа революционного движения в России как этапа группового политического терроризма. В учебной и научной литературе, как правило, подчеркивается осуждение тактики террора большевиками, при этом ссылаются на отдельные документы партии, например, на резолюцию съезда партии 1903 г.: «Съезд решительно отвергает террор, т.е. систему единоличных политических убийств, как способ политической борьбы, в высшей степени нецелесообразный в настоящее время, отвлекающий лучшие силы от настоящей и настоятельно необходимой организационной и агитационной работы, разрушающий связь революционеров с массами революционных классов населения, поселяющий и среди самих революционеров, и среди населения вообще превратные представления о задачах и способах борьбы с самодержавием» [11]. Но следует обратить внимание на следующие моменты: а) резолюция отвергает единичные политические убийства; б) она говорит о тактической нецелесообразности террора в конкретное время.

Ориентация на групповой вооруженный террор, в конечном счете — вооруженное восстание, всегда оставалась краеугольным камнем стратегии борьбы большевиков с царизмом. В статье «С чего начать» В.И. Ленин подчеркивал, что «принципиально мы никогда не отказывались и не можем отказываться от террора» [12]. Когда ситуация менялась, менялись и тактические установки.

Революционному террору официальные власти противопоставляли чрезвычайные меры, в том числе террор государственный и черносотенный. Именно в терроре государственным советская историческая школа видела причины развязывания террора революционного (фактически повторялась аргументация названных листовок и прокламаций, где народники и землевольцы пытались морально оправдать свои действия). Характерны оценки типа: «Правительство

Николая II пытается спасти разлагающийся царизм террором, но террор, естественно, не останавливает кризиса», «контрреволюционное до мозга костей самодержавие Александра II заканчивается катастрофой 1 марта 1881 г.», «самодержавие Александра III мобилизует все реакционные силы страны на спасение старого абсолютистско-феодалного порядка. Системой террора, доведенного до крайних пределов напряжения, самодержавная контрреволюционная власть придушила голос общественности...» [13].

Весьма логичная идеологическая установка долгое время являлась неоспоримой. И в семидесятые, и в восьмидесятые годы продолжали считать, что «все время правления Александра III свирепствовал в России, не утихая, карательный террор» [14]? и «действия русских народовольцев нельзя рассматривать в отрыве от конкретных исторических условий, в которых они вели борьбу, от обстановки жесточайшего царского террора и безжалостного подавления любых попыток борьбы за демократические свободы» [15]. Такая трактовка обоснования революционного террора встречается и сегодня. В рецензии на публикацию «Истории терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях» Л.М. Ляшенко подчеркивает, что «ключевым моментом (в истории российского терроризма) стало «хождение в народ» и жестокая расправа правительства с его участниками» [16].

Неоспоримо, что насилие осуществлялось обеими сторонами. Однако это было насилие разного порядка. Историческая литература разводит эти явления следующим образом: «террор» (насилие, применяемое государством; насилие со стороны «сильного») и «терроризм» (насилие со стороны оппозиции, со стороны «слабого») [17]. Но следует еще раз проанализировать положение о постоянном характере террора со стороны государства, утверждение о моральной оправданности революционного террора, выяснить, кто являлся инициатором развязывания новых витков террористического противостояния государства и революционеров.

Сопоставляя и противопоставляя террор революционный и террор государственный, обязательно надо учитывать следующие обстоятельства.

Во-первых, государственный террор не является терроризмом. «Терроризм — это насилие, содержащее в себе угрозу другому, не менее жестокого насилия, для того чтобы вызвать

панику, нарушить и даже разрушить государственный и общественный порядок, внушить страх, заставить противника принять желаемое решение, вызвать политические или иные изменения. По-видимому, это устрашение смертью» [18]. То, что именуется террором государственным, наоборот, направлено на укрепление государственного строя.

Во-вторых, нельзя подходить с двойным стандартом к определению содержания террора. Если рассматривать революционный террор как совокупность террористических акций — посягательств на жизнь государственных чиновников, сотрудников правоохранительных органов и т.д., вплоть до императора, то корректно сравнивать эту совокупность с совокупностью примененных государством карательных санкций аналогичного характера. В исторической же литературе доминирует абстрактно-распространительное толкование понятия государственного террора.

В-третьих, не следует забывать о правовой оценке террора революционного и террора государственного. Первый во всех случаях был противоправным, преступным, второй — в большинстве случаев (но не всегда) являлся легитимным, узаконенным. Правовые аспекты оценки террора революционного и государственного в исторических публикациях, как правило, отходят на второй план, либо авторы оправдывают нелегитимный революционный террор и осуждают легитимный государственный, ставя групповые интересы над правом и отрицая правовые принципы.

Террористическая активность революционеров была наиболее высокой в 1860–1880 гг. (деятельность «Земли и Воли», террористической фракции «Народной воли») и в 1905–1907 гг. (терроризм большевиков, эсеров-максималистов, анархистов). В эти же периоды отмечается и наиболее жесткая карательная реакция правительства. По Своду законов Российской империи 1832 г., Уложениям 1845 и 1885 гг., Уголовному уложению 1903 г. эта мера наказания применялась только за важнейшие государственные преступления (а именно за злоумышление против императора и членов императорского дома, поношение императора и членов императорского дома злыми и вредительскими словами, бунт и измену), а также за карантинные преступления. Впрочем за поношение императора злыми словами смертная казнь практически не применялась. Особенностью современного

терроризма является стремление его субъектов к властным полномочиям. Терроризм выступает крайней формой выражения социального, этнического и религиозного фанатизма, поэтому террористы не склонны останавливаться ни перед чем для достижения своих целей.

Проблема терроризма относится к числу новых вызовов и угроз безопасности Российского государства и его граждан и в современности. Жертвой террористического акта может стать каждый – даже тот, кто не имеет ни малейшего отношения к конфликту, породившему его. Как отмечает И.Л. Трунов, терроризм в России занимает доминирующее положение среди угроз общественной и национальной безопасности [19].

В юридическом плане в соответствии с законом «О безопасности» последняя определяется как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, а угроза безопасности – как совокупность условий и факторов, создающих опасность жизненно важным интересам личности, общества и государства. В Концепции национальной безопасности Российской Федерации терроризм рассматривается в качестве одной из угроз национальной безопасности [20].

Определение безопасности личности как состояния полного физического, духовного и социального благополучия обнаруживает опасность терроризма как умышленного способа лишения жизни людей, причинения вреда их здоровью. Н.Н. Кудрина отмечает, что один из самых страшных аспектов современного терроризма состоит в стремлении относиться к своей жертве как к простой вещи, причем даже не как к стоящей, а как негодной вещи.

Терроризм представляет собой угрозу безопасности общества, поскольку является неизбежным условием современной жизни, порождая у людей чувство беспомощности и безнадёжности, однако особая опасность терроризма заключается в том, что он культивирует насилие как способ решения любых проблем. Терроризм не просто культивирует насилие, он формирует культуру насилия [21]. При этом демонстрация насилия, по мнению террористов, должна породить у населения чувство незащищенности и страха: перед вероятным количеством жертв, опасностью оказаться подвергнутым насилию, невозможностью жить в безопасности и атмосферой войны [22].

Идеологической основой современного терроризма выступает националистический и религиозный экстремизм. С распадом СССР на постсоветском пространстве возникли конфликты на межнациональной и религиозной основе (Абхазия, Нагорный Карабах, Приднестровье). В данный период сепаратизм и национализм, в том числе и в форме самопровозглашенного государственного отделения, был принят руководящей элитой как элемент демократических преобразований. Эта политика повлекла за собой вооруженные конфликты и позволила радикальному исламу создавать анклавов международного терроризма на территории России. Наиболее остро для России стоит проблема «чеченского» терроризма. Причина существования множества подходов в определении сущности и содержания терроризма заключается в том, что проявления данного феномена различны.

В общепринятой классификации определяется три основных вида терроризма:

- 1) социальный;
- 2) политический;
- 3) идеологический.

Однако такая классификация терроризма является неполной. Гораздо чаще в основе терроризма лежит проявление интересов смешанных структур, выражаемых в таких формах, как:

- 1) международный;
- 2) государственный;
- 3) националистический;
- 4) техногенный;
- 5) информационный;
- 6) сепаратистский (левый и правый).

Анализ существующих в российской и зарубежной научной литературе подходов в определении терроризма показал, что большинство его трактовок включает в себя такой признак, как недовольство существующим социально-политическим положением, нарушающее правовые основы жизнедеятельности, и связанное с идеологическим и психологическим самовыражением.

Отличительной особенностью терроризма, касающейся его природы и мотивации, является эмоциональное воздействие на общественное мнение, которое порождает в обществе страх, панику, подрывает доверие к власти и, как следствие,

вызывает политическую нестабильность. Терроризм может возникать как ответная реакция на длительное затягивание решения политических проблем, т.е. к террористической борьбе приводят конфликты политического, социального, территориального, национального и мировоззренческого характера [23].

Однако не всякое насилие можно квалифицировать как проявление терроризма. В начале 1990-х гг. террористическими назывались акты экстремистского насилия в криминально-экономической сфере – выяснение отношений бандитскими группировками, запугивание конкурентов, вооруженное ограбление в целях обогащения и т.д. Во всех этих действиях отсутствует основной признак, отличающий политический терроризм от других актов криминального насилия, – мотивация, направленная на незаконный передел сфер политического влияния.

Следует подчеркнуть, что меры экономического или социального характера, а также идеолого-пропагандистская работа, направленные на борьбу с проявлениями терроризма, не вызывают больших споров по поводу их легальности, вместе с тем политическое урегулирование конфликтных ситуаций всегда противоречиво. В.В. Устинов приводит следующую классификацию возможных политических решений государства в ответ на террористическую атаку:

- согласие с требованиями террористов, выражаемыми в виде сложения полномочий, реформ в политике или тактических уступок;
- ведение переговоров, завершающихся частичными уступками или встречными предложениями;
- несогласие с требованиями террористов, состоящими в отказе от переговоров, осаде или вооруженной атаке;
- оставление без ответа (отсылка к другому ведомству или правительству, пассивное сдерживание) [24].

С правовой точки зрения терроризм экспертируется как преступное деяние, подлежащее юридическому закреплению как во внутреннем законодательстве, так и в источниках международного права. Именно понимание терроризма как уголовного преступления создает возможность эффективного сотрудничества по вопросам правосудия, в частности использования института экстрадиции и оказания правовой помощи по уголовным делам.

Интересна позиция В.П. Емельянова, который утверждает, что всякий терроризм – уголовный, а неуголовного терроризма не существует, но сам уголовный терроризм может иметь подразделение по мотивации (политическая, религиозная, экономическая и т.д.) и по субъекту преступления (совершенный гражданином своей страны или иностранцем, лицом, не обладающим какими-либо полномочиями либо представителем каких-либо государственных структур) [25].

В связи с этим, как справедливо отмечает А.В. Наумов, отграничение уголовного терроризма от неуголовного (политического, националистического, религиозного) можно провести лишь по его мотивации, т.е. на криминологическом либо психологическом уровнях. В рамках же уголовного закона любой терроризм – уголовный, так как представляет собой нарушение уголовного закона. К тому же не только в рамках национального законодательства, но и международных соглашений терроризм расценивается как уголовное деяние.

Юридическая трактовка терроризма и его квалифицирующие признаки зафиксированы в ст. 205 Уголовного кодекса Российской Федерации и в ст. 3 Федерального закона «О борьбе с терроризмом». Уголовное законодательство определяет терроризм как совершение взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, если эти действия совершены в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения либо оказания воздействия на принятие решений органами власти, а также как угрозу совершения указанных действий в тех же целях [26]. Максимальное наказание за совершение террористических акций варьируется от двадцати лет лишения свободы до пожизненного заключения.

Если рассматривать психологический аспект правовой экспертизы терроризма, то он представляет собой деятельность отдельных личностей или групп лиц с неадекватной реакцией на происходящие процессы в стране или мире. Основу психологии терроризма составляет его мотивация, как правило, это не внешне видимые причины поведения отдельных лиц, совершающих террористические акты. Один из крупнейших исследователей терроризма У. Лакер, замечая, что у современного терроризма много различных причин и проявлений, приходит к выводу о том, что они зависят от культурных тради-

ций, социальной структуры общества и других особенностей различных стран [27].

Вопрос о мотивации или причинах обращения к террористической деятельности важен для правовой экспертизы как девиантной формы поведения. Е.А. Кобозева и А.Г. Рябинков выделяют четыре основные группы причин:

1) причины психопатологического характера. В дискуссии относительно того, кто преобладает среди террористов – нормальные люди или люди с психическими отклонениями, большинство исследователей склоняются к выбору первой категории;

2) мотивы самоутверждения, самоидентификации, молодежной романтики и героики, придания своей деятельности особой значимости, преодоления отчуждения, конформизма и т.п.;

3) корыстные мотивы, которые могут вытеснять идейные или переплетаться с ними. Кроме того, хорошо обученных боевиков нанимают для совершения террористических актов;

4) терроризм чаще всего является результатом «идейного абсолютизма», «железного» убеждения в обладании естественной, высшей, окончательной истиной, уникальным рецептом «спасения» своего народа, группы или даже всего человечества [28].

Изучение психологии терроризма позволит не только объяснить цель и причины совершения конкретного террористического акта, но и понять, от кого можно ожидать соответствующих действий, что представляет собой личность террориста, как предупреждать и расследовать преступления террористического характера, какое наказание будет наиболее действенным в отношении виновных.

К сожалению, необходимо признать, что борьба с проявлениями терроризма, основанная на использовании только лишь силовых методов, в конечном счете не может быть эффективной. Как отмечает И.А. Кудрявцев, в любом демократическом государстве возникает необходимость в ограничении гражданских прав. «Без таких ограничений невозможно обеспечить оборону страны и безопасность государства... В современных условиях ограничения прав и свобод граждан должны соответствовать международно-правовым нормам и осуществляться при неукоснительном соблюдении норм национального законодательства» [29]. Важно, чтобы устанавли-

ваемые законом ограничения были разумными и оправданными, достаточными и адекватными предполагаемой угрозе. Одинаковый вред наносит обществу как недооценка возникающих угроз безопасности страны, так и установление чрезмерных ограничений гражданских прав, явно не соответствующих степени общественной опасности возникающих угроз.

Правовым основанием ограничения гражданских прав в целях обеспечения национальной безопасности государства в контексте террористической угрозы является ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. Это положение дублируется в ч. 2 ст. 1 Гражданского кодекса РФ, а также детализируется в ст. 11, 12 Федерального конституционного закона «О чрезвычайном положении» и в ст. 13 Федерального закона «О борьбе с терроризмом» [30].

Юридический мониторинг российского и международного законодательства позволяет сделать вывод о том, что закрепленный в Конституции перечень прав и свобод, не подлежащих ограничению при введении режимов чрезвычайного положения и контртеррористической операции, значительно расширен по сравнению с Международным пактом о гражданских и политических правах.

Примечания

1. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 21. С.255–262.
2. Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении. М., 2000. С.5.
3. О борьбе с терроризмом: Федеральный закон РФ / Щит и меч. 1998. 13 авг.
4. История терроризма в России. Ростов-на-Дону, 1996. С.28–31.
5. Там же. С.47–57.
6. Там же. С.77–108.
7. Там же. С.143–158.
8. Там же. С.185–189.
9. Там же. С.192–212.
10. Там же. С.341–379.
11. Второй съезд РСДРП. Июль-август 1903. Протоколы. М., 1959. С.453.
12. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.5. С.7.
13. Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 г. Заседание 22 июня 1944 года // Вопросы истории. 1996. №5–6. С.96–97.
14. Троицкий Н.А. Царизм под судом прогрессивной общественности. М., 1979. С.26.
15. Грачев А.С. Политический экстремизм. М., 1986. С.26.

16. *Ляшенко Л.М.* История терроризма в России в документах, исследованиях / Вопросы истории. 1998. №6. С.158.
17. *Будницкий О.В.* Указ. соч. С.10.
18. *Антонян О.М.* Терроризм. М., 1998. С.10.
19. *Трунов И.Л.* Правовые аспекты борьбы с терроризмом // Право и политика. 2004. № 9. С.73.
20. «О безопасности»: Закон Российской Федерации от 5.03.1992 г. // Российская газета. 1992. 6 мая. Ст. 1, 3.
21. *Родина И.* От безопасности в семье к безопасности в обществе // <http://www.kreml.org/>.
22. *Ольшанский Д.* Психология террора. М., 2002.
23. *Жаринов К.В.* Терроризм и террористы: Исторический справочник. Минск, 1999. С. 24; *Манжосов А.А.* Терроризм как крайняя форма развития политической ситуации // Россия. XXI век – антитеррор. М., 2000. С.110–111.
24. *Устинов В.В.* Международный опыт борьбы с терроризмом: стандарты и практика. М., 2002. С.131.
25. *Емельянов В.П.* Терроризм и преступления с признаками терроризирования: уголовно-правовое исследование. СПб., 2002.
26. Уголовный кодекс Российской Федерации // Свод Кодексов и Законов Российской Федерации. СПб., 2005. С. 843.
27. *Лакер У.* Россия в условиях трансформации. М., 2001. С. 52.
28. *Кобозева Е.А., Рябинков А.Г.* Уголовно-правовые вопросы ответственности за терроризм. Домодедово, 2005. С.13.
29. *Кудрявцев И.А.* Ограничения гражданских прав с целью обеспечения безопасности государства (гражданско-правовой аспект): Автореф. дис. ... канд. юр. наук. Краснодар, 2004.
30. Конституция Российской Федерации. М., 1993; Гражданский кодекс Российской Федерации // Свод Кодексов и Законов Российской Федерации. СПб., 2005. С.137.

С.В. Петрова (Сочи)

ВОСТОК И ЗАПАД: ДВА ПУТИ РАЗВИТИЯ

Интерес к Востоку в наши дни огромен и, видимо, будет возрастать. Интерес этот всесторонен и всеобъемлющ: история и культура, общество и государство, человек и религия (люди и боги), и наконец, древние первоосновы великих цивилизаций Востока – все ныне в центре внимания самих жителей стран Востока, стремящихся к самопознанию и самоидентификации, к открытию фундаментальных основ собственного бытия, и тем более интересуется представителями иной, западной европейской традиции, чьи генеральные параметры